

УДК 347.162

ОГРАНИЧЕНИЕ ДЕЕСПОСОБНОСТИ (ВМЕНЯЕМОСТИ) ЛИЦ, СТРАДАЮЩИХ ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ: ОТСУТСТВИЕ СИСТЕМНОСТИ НОРМ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

O.A. Серова

*Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта,
г. Калининград, 236016, Россия*

Аннотация

В статье исследуются последствия включения в гражданское законодательство России положения об ограниченной дееспособности лиц, страдающих психическими заболеваниями. Анализируются формулировка ограниченной дееспособности, вопросы семейной правоспособности граждан, имеющих психические расстройства. Отмечается потребность в выработке критерии, позволяющих оценивать психическое состояние лиц, вступающих в правоотношения. В частности, необходимо выяснить степень опасности гражданина для окружающих, его контроля над собственными действиями. Поскольку на данный момент вопросы дееспособности (вменяемости) изучаются отдельно в рамках гражданского, административного и уголовного права, это приводит к пробелам правовых предписаний, отсутствию единых критериев оценки состояния субъектов, страдающих психическими расстройствами. Решить эту проблему, по мнению автора, могут межотраслевые и междисциплинарные исследования проблем ограниченной дееспособности и вменяемости граждан.

Ключевые слова: дееспособность, недееспособность, невменяемость, ограниченная вменяемость, ограниченная дееспособность

Изменения гражданского законодательства, установившие возможность признания гражданина ограниченно дееспособным при наличии психического заболевания (см. 302-ФЗ), вновь обозначили актуальность изучения вопроса о влиянии болезненных состояний психики на правовую квалификацию действий участников правоотношений. Проблема совершения юридически значимых действий лицами в неадекватном состоянии особенно остро стоит в связи с увеличением числа подобных случаев¹.

Институт дееспособности в гражданском праве в основном всегда был нацелен на защиту имущественных прав гражданина. Даже в случае признания лица недееспособным опека как правовой институт позволяла решить проблемы его имущественного положения, перекладывая вопросы совершения сделок,

¹ См., например, сообщения в СМИ: «Сына олигарха Сосина проверят на вменяемость в момент убийства матери» (<http://lifenews.ru/news/184647>); «Убившую ребёнка в Москве няню проверят на вменяемость» (<http://www.profile.ru/economics/item/104377>).

обеспечения сохранности имущества и прочие на опекуна. В то же время понятие вменяемости было связано с вопросом о привлечении гражданина к уголовной ответственности. Данный правовой институт в большей степени ориентирован на защиту неимущественных прав лиц, не способных к адекватному восприятию своих поступков, действующих под влиянием патологических изменений психики.

В настоящее время проблемы участия граждан, страдающих психическими заболеваниями, в общественной и социальной жизни приобретают иное, более широкое значение. В соответствии с тенденцией социализации [1], которая в определённой степени влияет на нормы различных отраслей права, происходит переосмысление уместности использования тех или иных механизмов по отношению к гражданам, страдающим психическими расстройствами. От изоляционной концепции общество переходит к пониманию отрицательного воздействия стигматизации психически больных людей [2], признавая необходимость их социальной адаптации и включённости в общественные процессы.

Сегодня становится очевидным, что требуются некие общие критерии, которые позволяют оценить поведение лица, принимаемого на работу, назначаемого в качестве опекуна и т. д. Современные средства массовой информации изобилуют шокирующими примерами немотивированной жестокости, агрессии людей, чьё социальное положение и предшествующее поведение никак не говорят о способности к совершению таких поступков.

На наш взгляд, гражданин, вступая во взаимоотношения с другими субъектами права, ориентируется, как правило, на возраст и социальное положение с целью определить их дееспособность и фактическую возможность участия в конкретном правоотношении. При заключении гражданско-правовых договоров, назначении административного наказания, компенсации морального вреда и в других правоотношениях их участники исходят из презумпции наличия у совершеннолетних лиц правосубъектности, объединяющей такие правовые качества личности, как правоспособность и дееспособность. Но если правоспособность рассматривается лишь в качестве некой объективной возможности правообладания, то дееспособность напрямую связывается с активным поведением носителя данного права, с его личными действиями. Эта мера самостоятельного поведения зависит от возраста и психического здоровья лица; кроме того, она определяется условиями жизни субъекта, его привычками и склонностями. Антисоциальное устойчивое поведение гражданина вряд ли способствует формированию в достаточной степени адекватного отношения к гражданско-правовым обязанностям.

Наличие психического заболевания может накладывать существенный отпечаток на механизм принятия решения участником правоотношения. В гражданском праве данный механизм обозначается через категорию «воля» и является одним из элементов оценки действительности совершённого юридического действия – сделки. В зависимости от тяжести заболевания воля субъекта как элемент механизма принятия решения может либо утрачиваться, либо подвергаться значительной деформации. При этом оценить состояние того или иного лица с позиции его дееспособности или вменяемости крайне сложно даже

с учётом профессиональной компетентности субъекта (судьи, нотариуса, следователя и др.).

Например, в заключении, подготовленном по запросу Василеостровского районного суда г. Санкт-Петербурга, в качестве доказательства психического расстройства П.В. Штукатурова эксперты отмечали следующие свойства характера и психического состояния: агрессивность, замкнутость, пренебрежение личной гигиеной, резко отрицательное отношение к родственникам, социальная неприспособленность и аутизм. Экспертная комиссия подчёркивала, что его умственные способности и память не были снижены, однако такие характерные признаки, как формальность контактов, расстройство структурного мышления, отсутствие оценки, эмоциональное обеднение, холодность, снижение энергетического потенциала, позволили подтвердить диагноз шизофрения и сделать вывод о невозможности лица осознавать значение своих действий и руководить ими (п. 13 и 93 ПЕСПЧ1). В то же время адвокат, окончивший медицинский факультет Петрозаводского государственного университета и представляющий Психиатрический правозащитный центр, напротив, указывал, что П.В. Штукатуров находился в адекватном психическом состоянии, мог полностью понимать сложные юридические вопросы и давать соответствующие поручения (п. 20 ПЕСПЧ1). Европейский суд по правам человека, рассматривавший дело «Штукатуров против Российской Федерации», не стал подвергать сомнению компетенцию экспертов и врачей и признал, что Штукатуров болен. Однако приведённые данные о коммуникативных, социальных и умственных способностях гражданина позволили Суду сделать вывод о том, что наличие психического расстройства, даже серьёзного, не может выступать единственной причиной для признания лица полностью недееспособным (п. 94 ПЕСПЧ1).

Отсутствие прямой зависимости между психическим заболеванием и правовым статусом гражданина отмечалось исследователями давно. Так, Г.В. Назаренко писал, что «субъект, имеющий достоверную информацию о психической болезни другого лица, тем не менее не располагает и не может располагать сведениями о невменяемости» [3, с. 96]. В дальнейшем это положение усилилось важнейшим принципом сохранения дееспособности лиц, страдающих психическими заболеваниями, в максимально возможной степени.

Данный принцип может быть реализован только при введении дифференцированной оценки гражданско-правовых последствий наличия у лица нарушения психических функций. Эксперты давно говорили о необходимости включения положений об ограниченной дееспособности лиц, страдающих психическими заболеваниями, в гражданское законодательство РФ, так как подобное разграничение фактически применялось лишь в уголовном праве [4, с. 44–45]. После рассмотрения в 2012 г. Конституционным судом РФ жалобы И.Б. Деловой (ПКС) данное положение было введено и в текст Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ).

Ограничение дееспособности гражданина допускается п. 2 ст. 30 ГК РФ, если вследствие психического расстройства он может понимать значение своих действий или руководить ими при помощи других лиц. В отличие от лица, признанного недееспособным, над ним устанавливается попечительство, а не опека.

В некотором смысле (в части сделкоспособности и деликтоспособности) содержание дееспособности такого гражданина приравнивается к правовому положению несовершеннолетнего в возрасте от 14 до 18 лет. Кроме того, гражданин, ограниченный в дееспособности вследствие психического расстройства, наделён правом распоряжаться выплачиваемыми на него алиментами, социальной пенсиею, возмещением вреда здоровью и в связи со смертью кормильца, а также иными выплатами, которые предоставляются на его содержание, с письменного согласия попечителя (п. 2 ст. 30 ГК РФ).

Несмотря на общую позитивную оценку изменений гражданского законодательства в связи с введением понятия ограниченной дееспособности, его формулировка представляется специалистам не совсем удачной (см., например, [5]). Так, не ясно, что конкретно должно пониматься под словосочетанием «помощь другого лица», должна ли помочь быть постоянной или периодической, касаться только юридических аспектов деятельности подопечного или охватывать бытовое обслуживание, социально-психологическое и иное сопровождение? В связи с этим было высказано мнение, что подобная «ситуация требует от суда выяснения вопроса о том, в каких сферах жизнедеятельности лицо с психическим расстройством не может в должной степени ориентироваться без помощи посторонних лиц. <...> ... Суд в своём решении должен распространить ограничение дееспособности только на отдельные сферы правоотношений, в которых участвует такое лицо» [5, с. 109].

Это предложение, на наш взгляд, не является целесообразным для практического применения, поскольку такая индивидуализация судебных решений вызовет существенные затруднения на практике. Помощь другого лица может проявляться в форме содействия в решении жизненных вопросов гражданина, ограниченного в дееспособности, и определяется уровнем развития личности, её интересами, потребностями, а также сложившимися взаимоотношениями с попечителями. Всё вышеперечисленное является в значительной степени индивидуальным и с трудом может быть объективировано в правовых нормах. Точно так же эманципация несовершеннолетних допускается с 16 лет (ст. 27 ГК РФ), потому что для некоторых несовершеннолетних граждан содействие или помощь законных представителей становятся избыточными.

Признание ограниченной дееспособности граждан, страдающих психическими заболеваниями, вызывает ряд других вопросов. В частности, речь идёт о семейной правоспособности таких лиц. В соответствии со ст. 14 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) не допускается заключение брака между лицами, из которых хотя бы одно лицо признано судом недееспособным вследствие психического расстройства. Данная норма была включена в текст Кодекса в период, когда гражданское законодательство не разграничивало степени утраты дееспособности лицами, страдающими психическими заболеваниями. Если исходить из буквального толкования, то граждане, ограниченные в дееспособности, не имеют ограничений по вступлению в брак. Однако, учитывая схожесть их правового положения с правовым положением несовершеннолетних, было бы целесообразно предусмотреть согласие на такой брак попечителя лица, ограниченного в дееспособности вследствие психического заболевания (по примеру ст. 13 СК РФ, предусматривающей снижение брачного

возраста органами местного самоуправления). Важность решения обозначенной проблемы может быть продемонстрирована на примере дела «Лашин против Российской Федерации» (ПЕСПЧ2), где заявитель оспаривал не только незаконность принудительной госпитализации в психиатрическую клинику и свой статус недееспособного лица, но и невозможность заключения брака.

Кроме того, эксперты указывают на существенные затруднения в применении ст. 177 ГК РФ «Недействительность сделки, совершённой гражданином, не способным понимать значение своих действий или руководить ими», так как доказать с большей степенью достоверности можно лишь наличие длительного психического расстройства [6]. Кратковременное лишение способности понимать значение своих действий или руководить ими крайне сложно обнаружить даже при помощи экспертизы.

Выявление психического заболевания, иной патологии или временной утраты осмысленного отношения к своим действиям не может являться предметом изучения лишь какой-либо одной отрасли права. Реализация принципа максимального сохранения дееспособности граждан, страдающих психическими расстройствами, должна быть связана с исследованием того, насколько лицо осознаёт общественную опасность совершаемых им действий. Г.А. Есаков указывает на два варианта невменяемости, вытекающие из знаковых для стран общего права правил Макнатена: «Во-первых, обвиняемый может не осознавать характер и свойства совершающего им действия; во-вторых, осознавая это, обвиняемый тем не менее может не осознавать, что совершающее им является неправдой» [7, с. 422]. Следовательно, если гражданин под воздействием душевной болезни понимает противоправность своих действий, но считает их морально позитивными, ссылка на невменяемость исключается [7, с. 423]. Таким образом, необходимы превентивная оценка опасности лица для окружающих, выяснение степени его контроля над собственными действиями. Для решения данной проблемы требуется привлечение специалистов разных областей знаний.

Итак, расширение участия душевнобольных в жизни общества требует распространения градации дееспособности на иные правоотношения. Не случайно обозначается необходимость применения института ограниченной вменяемости в административном праве наравне с уголовным и гражданским законодательством России [4, с. 47]. Более того, от отраслевого принципа необходимо переходить к межотраслевым или даже междисциплинарным исследованиям проблем ограниченной дееспособности и вменяемости граждан.

Источники

ГК РФ – Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1: Федеральный закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31 янв. 2016 г.) // СПС КонсультантПлюс. – URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=193157&from=198259-71&rnd=210680.6952702107311441&>, свободный.

СК РФ – Семейный кодекс Российской Федерации от 29 дек. 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 30 дек. 2015 г.) // СПС КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/, свободный.

302-ФЗ – Федеральный закон от 30 дек. 2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации (СЗ РФ). – 2012. – № 53 (ч. 1). – Ст. 7627; Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 21-ФЗ // СЗ РФ. – 2013. – № 9. – Ст. 873.

ПЕСПЧ1 – Постановление Европейского суда по правам человека от 27 марта 2008 г. по делу «Штукатуров (Shtukaturov) против Российской Федерации» (жалоба № 44009/05) // Бюл. ЕСПЧ. – 2009. – № 2. – С. 98–124.

ПЕСПЧ2 – Постановление Европейского суда по правам человека от 22 янв. 2013 г. по делу «Лашин (Lashin) против Российской Федерации» (жалоба № 33117/02) // Рос. хроника Европ. суда: Спец. вып. – 2013. – № 4. – С. 91–108.

ПКС – Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 27 июня 2012 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 2 статьи 29, пункта 2 статьи 31 и статьи 32 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.Б. Деловой» // СЗ РФ. – 2012. – № 29. – Ст. 4167.

Литература

1. Серова О.А. Социализация права как основа развития российского законодательства // VI Перм. конгр. учёных-юристов «Российская национальная правовая система: современное состояние, тенденции и перспективы развития». Тез. докл. – Пермь: ПГНИУ, 2015. – С. 131–132.
2. Ениколов С.Н. Стигматизация и проблема психического здоровья. – URL: http://psyjournals.ru/medpsytrad/issue/61088_full.shtml, свободный.
3. Назаренко Г.В. Квалификация особых случаев соучастия: соучастие и невменяемость // Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение. – 1995. – № 3. – С. 94–97.
4. Секретарева Т.М. Ограниченнaя вменяемость как институт, неизвестный административному праву Российской Федерации // Рос. судья. – 2015. – № 7. – С. 44–47.
5. Тарасова Е.Н. Актуальные вопросы применения критериев недееспособности и ограниченной дееспособности в гражданском процессе // Ленингр. юрид. журн. – 2015. – № 2. – С. 102–111.
6. Вольский Н. Признание сделки недействительной по мотиву неспособности её стороны понимать значение своих действий и руководить ими на основании ст. 177 ГК РФ. – URL: http://www.sudmos.ru/articles/sdelki/dogovor_601.html, свободный.
7. Есаков Г.А. Невменяемость по английскому уголовному праву // Lex Russica. – 2006. – № 2. – С. 416–427.

Поступила в редакцию
20.01.16

Серова Ольга Александровна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права и процесса

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта
ул. А. Невского, д. 14, г. Калининград, 236016, Россия
E-mail: OlgSerova@kantiana.ru

ISSN 1815-6126 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2016, vol. 158, no. 2, pp. 436–442

**Limiting the Capacity (Sanity) of Persons Suffering from Mental Illness:
Lack of Systematic Rules in the Russian Law**

O.A. Serova

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, 236016 Russia
E-mail: OlgSerova@kantiana.ru

Received January 20, 2016

Abstract

The paper examines the effect of including a statute regarding special disability of persons suffering from mental illness in the Russian civil legislation. Legal enacting of additional criteria for assessing the ability of the citizen to realize the effect of their actions and to control them has great importance for the development of the civil society in Russia. There is a rejection of the concept of insulating treatment of persons suffering from mental disorders. The society is aware of the negative effects of stigmatization of mentally deranged persons. The significance for social adaptation of afflicted persons and their involvement in social processes is recognized.

Any restriction of the legal capacity of persons with mental derangement requires a clear definition of the term “assistance of another person”. There is no unique approach to maintain or reduce the family capacity of citizens that are incapacitated.

Mental derangement has a significant impact on human behavior in legal relations, legal qualification of actions. To date, the problems of capacity (sanity) are studied separately in civil, administrative, and criminal laws. This leads to gaps in legal regulations, thereby resulting in the lack of unified criteria for evaluating the status of persons with mental disorders.

Identification of mental derangement or temporary loss of knowledgeable behavior cannot be a subject of study of one area of law.

Implementation of the principle of perpetuation of the legal capacity of citizens with mental derangement should be associated with the research on the degree of awareness of possible social danger that may be caused by their actions. Preventive assessment of the danger represented by persons with mental disorders to surrounding persons is necessary to determine of the degree of control over their own actions.

Keywords: capacity, incapacity, insanity, limited sanity, limited capacity

Для цитирования: Серова О.А. Ограничение дееспособности (вменяемости) лиц, страдающих психическими расстройствами: отсутствие системности норм в российском праве // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2016. – Т. 158, кн. 2. – С. 436–442.

For citation: Serova O.A. Limiting the capacity (sanity) of persons suffering from mental illness: lack of systematic rules in the Russian law. Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki, 2016, vol. 158, no. 2, pp. 436–442. (In Russian)